

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ PROVINCIALNOGO ГИМНАЗИСТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

.....

А.В. Бушмаков*

Начатая реформами 1860–1870-х гг. модернизация социально-экономического уклада Российской империи запустила процессы социальной трансформации. Их усилил промышленный переворот последних десятилетий XIX в., и уже к началу XX в. все основные социальные институты претерпели существенные трансформации. Дисциплинирующие образовательные институты, являясь составной частью общественной системы, не могли избежать влияний общественного транзита [6, с. 143–145]. Консервация ролевых предписаний, выражавшаяся даже во внешних проявлениях (мундиры учителей и учеников, рутинность и иерархичность взаимоотношений), способствовала усилению внутриинституционального напряжения.

В данной работе на основе архивных материалов и литературных источников реконструируются некоторые формы, в которых это напряжение проявлялось в повседневной жизни учащихся средних учебных заведений г. Перми. Наиболее рельефно внутренние коллизии, испытываемые в годы транзита системой образования царской России, прослеживаются в классической гимназии — учебном заведении, предназначенном для воспроизводства бюрократической элиты. Организация гимназии представляла собой слепок с казенного бюрократического учреждения, ее учащиеся должны были не столько получить определенные знания, сколько усвоить определенные моральные установки и особый стиль поведения, характерный для чиновника, дисциплинированного и послушного воле начальства, верного слуги «Бога, Царя и Отечества».

В рассматриваемый период гимназия как социальный институт внешне продолжает выполнять свою функцию, однако все более явными становятся признаки того, что призванная транслировать заданные сверху ценности односторонняя иерархическая коммуникация не достигает поставленной цели. Особенно

* Бушмаков Андрей Валентинович — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. Электронная почта: culture@pstu.ru.

ярко неспособность гимназий и других средних учебных заведений решать поставленные перед ними задачи проявилась в ходе событий осени 1905 г.: во многих провинциальных городах наиболее заметными и радикально настроенными участниками революционных выступлений оказались именно школьники старших классов [8, с. 110–116].

Попытаемся детально рассмотреть причины подобного явления. Вопреки распространенным представлениям о строго сословном характере системы образования в царской России, в начале XX в. средние учебные заведения г. Перми, включая классическую гимназию, не были элитарными учебными заведениями, не доступными для большинства горожан. Наоборот, значительную часть учащихся составляли дети учителей, врачей, служащих, мелких торговцев, ремесленников и даже крестьян. Из 43 выпускников Пермской гимназии 1908 г. только трое детей принадлежали к дворянскому сословию [3, с. 182–183].

Нравы пермских гимназистов, не говоря об учащихся других средних учебных заведений, не всегда соответствовали устоявшимся представлениям о «благородном» обществе или рафинированной интеллигенции дореволюционного времени. Дети мещан и купцов, чиновников и сельских обывателей воспроизводили существовавшие в то время в провинции стили поведения.

Скандал, вызванный газетными публикациями о пермском обществе «огарков», привлек внимание к моральному облику учащихся пермских гимназий и широкой публики, и официальных властей. Пьянство и «разврат» были признаны в официальных докладах охраны явлениями нередкими в жизни учащейся молодежи Перми. Причиной был назван низкий культурный уровень учащихся, обусловленный их социальным происхождением: «...контингент учащихся представляют дети крестьян, мещан, купцов и мелких ремесленников, близко соприкасающихся с развращенным заводским населением <...> естественным следствием является, что формы развлечения у молодежи грубы и вращаются около пьянства и половых потребностей» [2. Ф. 160. Оп. 1. Д. 113. Л. 60б.].

Несмотря на сгущение красок, подобные явления были распространены в среде пермской молодежи начала XX столетия. Не следует забывать, что возраст гимназистов выпускного класса колебался между 16 и 23 годами, а пьянство в провинциальной жизни того времени было явлением обычным, характерным для всех сословий городского общества, включая и представителей местной элиты. Например, судя по сохранившимся свидетельствам, часть гимназистов употребляла спиртное и курила. Юный пермяк, поступивший в гимназию в Петербурге, сообщал в письме другу о своих новых товарищах: «...насчет выпивки и курения нашим не уступят» [2. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 4].

Попробуем набросать портрет провинциального школьника начала XX в. Как правило, это был сын небогатых родителей, приехавший в Пермь учиться из уездного города или заводского поселка и проживающий у родственников, на частной квартире или в общежитии при учебном заведении. Во многом он напоми-

нал современного школьника старших классов или студента: круг его интересов далеко не ограничивался только учебой и подготовкой к поступлению в высшее учебное заведение.

Учащуюся молодежь интересовали литература, театр и музыка. Ученики Пермской мужской Александровской гимназии, равно как и других учебных заведений, издавали рукописные художественные журналы, принимали участие в музыкально-литературных вечерах. В 1908–1910 гг. гимназисты выпускали «Периодический сборник литературных произведений» объемом от 40 до 80 страниц, печатавшийся в типографии губернского правления по разрешению пермского губернатора.

Важным элементом новой городской культуры, появившимся в начале XX столетия, стал спорт: среди школьников Перми были распространены французская борьба, тяжелая атлетика, коньки, велосипед и лыжи. Катание на коньках было не только любимым развлечением, но и средством общения.

Индустрия массовых развлечений в начале XX в. включала как традиционные ярмарочные балаганы, цирк, театр (в провинции театр следует рассматривать скорее как элемент массовой культуры, в лучшем случае о нем можно говорить как о проводнике «высокой» культуры в массы), так и новые виды, характерные для индустриальной эпохи: кинематограф, спортивные состязания.

Типичный гимназист, семинарист или учащийся реального училища, выросший в сельской местности или почти не отличавшемся от нее по типу культуры уездном городке с населением в 5–10 тыс., должен был вести городскую жизнь: рано утром — на занятия, потом уроки, оставшееся свободное время — театр, кино, библиотека и другие развлечения, спорт и т.д. Так продолжалось в течение всего учебного года. В целом повседневная жизнь гимназиста начала XX в. не отличалась от жизни современных нам школьников или студентов.

В летний период большинство школьников покидали город, одни отправлялись на каникулы к родителям, другие проводили лето на даче. Так или иначе, они возвращались к сельской жизни с ее традиционным укладом и культурными практиками. В начале XX в. город считался местом нездоровым, и в общественном сознании твердо укоренилась мысль о том, что для восстановления здоровья и нервов школьникам необходимо общение с природой, которое и для родителей, и для самих учеников имело большую ценность.

Школьники начала XX в. заметно отличались от типичных гимназистов века девятнадцатого, мальчиков из дворянских семей, известных нам по мемуарам М.А. Осоргина или С.П. Дягилева. И тот и другой, хотя и учились в Пермской классической гимназии уже в пореформенное время сформировались как личности под влиянием дворянской, традиционно-патриархальной семьи. У большинства гимназистов и реалистов нового столетия семьи были мещанскими, да и находились они зачастую далеко от губернского города, где учились дети.

В опубликованной в «Вехах» статье А.С. Изгоева «Об интеллигентной молодежи» говорится, что русская интеллигенция бессильна создать свою семейную традицию, она не в состоянии построить свою семью. Родители-интеллигенты не имеют влияния на своих детей. Заботятся ли они о «развитии» своих детей или нет, предоставляя их прислуге и школе, знакомят ли они детей со своим мировоззрением или скрывают его, обращаются ли с детьми начальственно или «по-товарищески», прибегают ли к авторитету и окрику или изводят детишек длинными, нудными научными объяснениями, — результат получается один и тот же. Еще хуже, по мнению этого автора, справлялась с задачей воспитания школа: «Утверждение, что средняя школа не имеет влияния на выработку мирозерцания, пожалуй, не совсем верно. Такое влияние существует, но чисто отрицательное. Если уже в родной семье русский интеллигентный ребенок воспитывается „от противного“, отвергается и от поступков и от идей своих родителей, то в школе такой метод воспитания становится преобладающим... В школе ребенок себя чувствует, как во вражеском лагере, где против него строят ковы, подсиживают его и готовят ему гибель. В представлении ребенка школа — это большое зло, но, к несчастью, неизбежное. Его нужно претерпеть с возможно меньшим для себя ущербом: надо получить наилучшие отметки, но отдать школе возможно меньше труда и глубоко спрятать от нее свою душу» [5, с. 190–191].

Где же формировалась личность нового человека образованного класса в условиях царской России? По мнению А.С. Изгоева, таким источником становится школьное товарищество, та среда, в которой ученик средней школы проводит большую часть своего времени: «И все-таки свое воспитание интеллигентный русский юноша получает в средней школе, не у педагогов, конечно, а в своей новой товарищеской среде... Оно дает юноше известные традиции, прочные, определенные взгляды, приучает его к общественности, заставляет считаться с мнениями и волей других, упражняет его собственную волю. Товарищество дает юноше, выходящему из семьи и официальной школы нигилистом, исключительно отрицателем, известные положительные умственные интересы. Начинаясь с боевого союза для борьбы с учителями, обманывания их, для школьнических бесчинств, товарищество продолжается не только в виде союза для попок, посещения публичных домов и рассказывания неприличных анекдотов, но и в виде союза для совместного чтения, кружков саморазвития, а впоследствии и кружков совместной политической деятельности. В конце концов, это товарищество — единственное культурное влияние, которому подвергаются наши дети. Не будь его, количество детей, погрязающих в пьянстве, в разврате, нравственно и умственно отупелых было бы гораздо больше, чем теперь» [5, с. 191–192].

О том же пишет в своих воспоминаниях Михаил Осоргин: «Если бы не здоровая и естественная ненависть к учителям и всей преподаваемой ими чепухе и если бы мы не толковали для себя многого наоборот, — мы все выросли бы идиотами или большими негодяями» [7, с. 149].

Замечательным источником сведений о неформальной жизни пермских школьников начала XX в. служат журналы, издававшиеся самими учащимися средних учебных заведений города. Несмотря на то что большинство из них были рукописными, выходили короткое время и передавались из рук в руки среди небольших групп, эти журналы дают некоторое представление об интересах, повседневных занятиях и идеалах учащихся.

Из всех хранящихся в областном архиве журналов учащихся наиболее информативен журнал «Наши думы», вышедший в 1908 году и, как заявлялось в обращении его редакции, призванный «освещать ученическую жизнь, указывать, что в ней... доброго и что худого», поднимать «самые животрепещущие вопросы школьной жизни» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 3об.–4].

В отличие от других подобных изданий, в журнале практически нет чисто художественных материалов: все статьи и заметки посвящены проблемам, казавшимся наиболее актуальным его редакции из трех человек: гимназиста, семинариста и гимназистки. Несмотря на то что ни в одном из четырех номеров «Наших дум» не встречается открытой революционной пропаганды, авторы достаточно ясно обозначают свою либеральную позицию, демонстрируя характерные для российской интеллигенции стереотипы и установки поведения [4, с. 93–96].

Сразу отметим, что отношение к школе как таковой у всех авторов журнала резко негативное. Их недовольство школьным начальством, строгостью дисциплины, суровыми требованиями преподавателей, их презрительно-высокомерным отношением к учащимся, равно как и другие подобного рода претензии, характерные для любых школьников вне зависимости от места и времени, в данном случае перекликаются с требованиями либерально и революционно настроенной общественности, воспринимавшей существующую систему образования как анахронизм, требующий кардинальной реформации. Критикуя школьную систему, редакция отмечает, что большинство учителей, по сути, являются чиновниками, озабоченными размером своего жалования и продвижением по службе больше, чем «воспитанием души» и «обогащением ума» своих учеников [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 6].

Мнение о чиновниках характеризует оценка ревизора духовной семинарии Савицкого, данная в заметке «Ревизор»: «обычный чиновник, навряд ли что-либо выдающий далее 20-го числа и поверстных» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 12–13].

Пример такого педагога, отличавшегося к тому же грубостью и формальным отношением к преподаванию, приведен в статье «Наши педагоги. Химера». Преподаватель В.А. Фаминский, по прозвищу «Химера», пользовался настолько большой непопулярностью среди учеников, ругавших его за глаза «трехэтажной бранью», что во время волнений в семинарии в 1905 г. был публично освистан. Вот как описывает автор статьи это значимое для него событие: «Семинаристы наполняют коридор, по которому движется фигура Химеры, а в воздухе ви-

сит страшный свист 200–300 семинаристов». После окончания забастовки Фаминский активно принимал участие в изгнании из семинарии «крамольного элемента», в результате чего «наиболее сознательный элемент среди семинаристов был вынужден покинуть семинарию», которая «подпала под самодержавное владычество хулиганов-семинаристов, поддерживаемых начальством» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 29–33об.].

Как же должен был выглядеть настоящий учитель в представлении школьников начала XX в.? В третьем номере журнала опубликована статья об умершем учителе женской гимназии С.И. Банеле, охарактеризованном не просто как прекрасный педагог, но и как «сеятель разумного, доброго, вечного», человек «с бескорыстными и благородными взглядами», всегда готовый выслушать любые просьбы учащихся, отстаивавший их интересы перед начальством, [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 25–26]. С.И. Банель олицетворяет идеал учителя в представлениях авторов журнала: это не просто хороший педагог и знаток своего предмета, но просветитель, друг детей, относящийся к своей работе не как к профессии, дающей средства на жизнь, а как к священному долгу, ради которого необходимо жертвовать и личными интересами.

Характеризуя основную массу учащихся средних учебных заведений города Перми, авторы статей в «Наших думках» отмечают, что их основная масса «еще не вошла во вкус самообразования и нуждается в разработке самых общих вопросов». Издание журнала должно было помочь «товарищам из среднего круга». Важную роль автор редакционной статьи, печатающийся под псевдонимом Ярослав, отводит кружкам самообразования.

По его классификации всех учащихся можно разделить на три типа. Первый — «сознательные товарищи», со сложившимся мировоззрением. Второй тип — те, кто живет под девизом «Пиво и Воля», став жертвой окружающей брутальной действительности и «ненормальностей в учебной и воспитательной части» «теперешней школы». Третий тип — промежуточный, часть его представителей в 1905–1906 гг. активно интересовалась политическими и общественными вопросами, участвовала в создании касс взаимопомощи, библиотек и пр. и даже «примыкала к определенной группе людей, преследующих политические цели» и «активно уже участвовала в работе в известном направлении». Ныне же, т. е. 1908 г., они «погрузились в апатию» и потеряли интерес к общественной деятельности. Таких товарищей Ярослав призывает активно заняться работой в кружках самообразования, помогать новичкам, тем, кто недоволен школой, ищет новых знаний вне ее стен, но тратят время на изучение «бестолковых, пустых, совершенно не нужных авторов» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 11–13].

Большое количество материалов журнал посвящает активно обсуждавшемуся в печати того времени половому вопросу и якобы существовавшему в Перми тайному обществу «огарков». «Наши думы» с негодованием отрицают существование в Перми общества «огарков». В статье «Правда об „огарках“» приводят

ся обстоятельства возникновения воззвания о создании лиги свободной любви, так напугавшего общественность и родителей, ставшие известными редакции «из достоверных источников»:

«Выбывшему из семинарии воспитаннику N пришла блестящая идея воспользоваться теперешним общественным настроением и перевести его на звонкую монету... Для этой цели он пишет воззвание и распространяет в средних учебных заведениях. В нем он адреса точного не сказал, а просил желающих записаться в эту фракцию, пославши членские взносы по почте на предъявителя в Пермском почтамте известной квитанции. Ну, конечно, нашлись простодушные юноши, пославшие членские взносы; но два каких-то дельных парня вместо взносов послали письма, полные выражений самой горькой правды по адресу инициатора.

Итак, цель этим господином была достигнута. Он получил деньги и вскоре все их пропил, хвастаясь тем, что в Англии общественным мнением двигают миллионы, а у нас можно простым выпуском воззвания к „огаркам“. Пославшие же членские взносы (их немного — 3 человека) стали себя именовать „огарками“, дожидаясь первого собрания и совсем не подозревая, что сделались жертвой ловкого афериста» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 21–22].

Само воззвание и степень его влияния на учащуюся молодежь еще ранее сознательные авторы журнала оценили как не имеющие сколько-нибудь значительного эффекта. Написанное «завсегдатаями пивных, которым понадобилась частная квартира для периодических попок и громкий ярлык, прикрывающий их умственную и нравственную убогость», оно, по их мнению, никак не могло увлечь молодежь, и, следовательно «папашам и мамашам нечего бояться этой заразы» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 19].

В то же время в ряде материалов, посвященных быту учащихся, отмечаются такие явления, как разочарованность в жизни, пьянство, распущенность. В художественных зарисовках «с натуры» показаны гимназисты, проводящие ночи за карточной игрой, пьянствующие и посещающие проститутку [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 3–4, 14–15об., 48–49].

Подобное поведение, очевидно, было характерно для той части учащихся, которая воспринимала «развратную пьяную жизнь» как нечто вполне нормальное, свидетельствующее об их статусе взрослого и самостоятельного человека. Однако идейные и сознательные авторы «Наших дум», ощущающие свою ответственность за учащуюся молодежь в целом, озабочены тем, что и представители третьего типа школьников (по приведенной классификации), кто ранее был не чужд общественной работы в кружках, кассах взаимопомощи, даже принимал участие в революционных событиях 1905 г., т. е. вполне «развитые» товарищи, стали засасываться «липкой черной грязью» и тонуть.

Пример такого гимназиста подробно описан в рассказе «Сережа», помещенном в разделе «Очерки действительности». Его герой — гимназист VI класса, сын мелкого чиновника из «уездного городишка», живущий на квартире тетки — «капризной бабы, надоедающей ему третий год своим придирчивым характером и скрипучим голосом». Сережа должен помогать ей колоть дрова, чистить скотный двор и выполнять другую домашнюю работу, в промежутках между которой он занимается самообразованием — читает «Политическую экономию», книжки по социологии и биологии — все то, чего ему не дают в гимназии. Карманные деньги он зарабатывает уроками, сам же учится хорошо, выполняя условия договора с отцом. Сережа одинок в Перми, кроме тетки у него есть только школьные товарищи, с которыми он не слишком дружен. На масленичные дни, когда одноклассники собираются весело отдыхать — кататься на тройке, гулять с барышнями, посещать вечеринки, герой рассказа особенно остро чувствует свое одиночество. Политэкономия не лезет ему в голову, и Сережа решает отправиться в центр города, где на ярко освещенном проспекте гуляет праздничная, веселая толпа. Однако и здесь он одинок и никому не нужен, даже школьные товарищи, заметив Сережу, удивляются и не спешат вовлечь его в свою компанию. Юноша чувствует, как все заняты собой и как все чужды ему, его охватывает страх перед толпой, и он устремляется прочь с людного проспекта, в ближайшем проулке натывается на ресторан, перед которым он «как-то неожиданно останавливается». Выпив графин водки, купленный на последние деньги, Сережа пьянеет и оказывается выброшенным на улицу, городской забирает его в участок.

Таким образом, отрицая обвинения в моральном падении, звучащие со страниц газет и журналов, успокаивая родителей словами, о том, что учащаяся молодежь совсем не так глупа и беспринципна, как говорят в городе, издатели «Наших дум» в известной степени сами разделяют представление о небывалой распущенности школьной молодежи.

Архивные документы зафиксировали неоднократные случаи грубых нарушений гимназистами общественных норм, являющиеся, по сути, обычным хулиганством, повлекшим исключение из гимназии. Только в декабре 1910 г. местная полиция разбирала произошедшие на улицах Перми два инцидента с участием учащихся гимназии.

В первом случае гимназист 4-го класса Пермской мужской гимназии 15-летний Давид Кан подговорил учащегося 5-го класса той же гимназии 15-летнего Бориса Кутузова, 16-летнего Максима Русских и 14-летнего Александра Расцветаева напасть на 17-летнего Леонида Прокопчика. Причиной нападения послужила ревность. Вооружившись парой пневматических пистолетов «Монтекристо», ножом и поленом, гимназисты подкараулили Прокопчика, когда он, провожая знакомую барышню, возвращался с катка вместе со своим приятелем 18-летним Николаем Нориным. Напав на Прокопчика и Норина, гимназисты избили их,

отобрали принадлежащие барышне коньки, а Прокопчику вдобавок разрезали ножом пальто [2. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1063. Л. 3–9].

Второй инцидент произошел с двумя гимназистами, 17-летним Владимиром Циглером и 18-летним Григорием Колоколовым, которые были задержаны полицией в первом часу ночи в связи с их буйством. Согласно показаниям квартального караульного, гимназисты в пьяном виде приставали к прохожим, а затем, будучи вооруженными ножом и накулачником (кастетом), напали на него самого. Караульному удалось отбиться при помощи палки и вызвать на помощь полицейского. Нож в снегу не нашли, а накулачник был приобщен к делу. Гимназисты утверждали в своих показаниях, что к прохожим они не приставали, а защищали честь барышни, которую провожали домой из кино [2. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1063. Л. 13–26]. Интересно, что и Циглер, и Колоколов, ранее уже отмеченный гимназическим начальством за дурное поведение, по происхождению были потомственными дворянами.

Важным моментом является видимое несоответствие возросших материальных и культурных запросов многих учащихся их скромному материальному положению. Чтобы вписаться в новую культурную среду, нужны были не только интеллектуальные и моральные усилия; для посещения театров, кино, покупки книг и журналов, спортивного инвентаря требовались были материальные средства, в которых основная масса учащихся была весьма ограничена.

Отсюда, видимо, во многом идут корни политизации учащейся молодежи, ее увлечения радикальными идеями и симпатии к представителям революционного движения, что подтверждается как документами охранки и Пермского губернского жандармского управления, так и другими источниками.

Об увлечении учащихся пермских гимназий радикальными идеями и симпатии их к представителям революционного движения свидетельствуют документы охранки, Пермского губернского жандармского управления и другие источники. Судя по имеющимся свидетельствам, в сознании юных гимназистов революционеры были окружены своего рода романтическим ореолом. Причем такое отношение было слабо связано с их социальным происхождением и материальным положением родителей. Например, вполне благополучный Евгений Насонов из состоятельной купеческой семьи в кругу друзей и подруг приписывал себе участие в нашумевшем в Перми в 1904 г. убийстве офицера и «прятался» от полиции [2. Ф.128. Оп.1. Д.24. Л.10].

Учащиеся средних учебных заведений Перми активно участвовали в общественно-политической борьбе 1905 г. 14 мая 1905 г. на улицах Перми произошли беспорядки, связанные с попыткой провести собрание для учреждения неразрешенного властями Пермского отделения Всероссийского союза учителей, активную роль в которых сыграли учащиеся средних учебных заведений города. Осенью обстановка в стране продолжала накаляться; в октябре 1905 г. в большинстве средних учебных заведений Перми прошли забастовки и волнения уча-

щихся, приведшие к нарушению нормальной жизни школ и к остановке учебного процесса.

Забастовки отличались организованностью. Бастующие требовали проведения демократических реформ системы образования, улучшения материального положения учащихся, отмены надзора над их частной жизнью, ее регламентации. Так, учащиеся реального училища предъявили администрации петицию из 23 пунктов, начиная от объединения реальных училищ и гимназий в одну единую среднюю школу и свободного доступа реалистов в университет и заканчивая свободой ученических сходок, выделением комнаты для курения и увеличением ватерклозета. Под петицией подписались 168 учеников старших классов училища (с IV по VII), объявивших себя «примкнувшими к общему освободительному движению» [2. Ф. 185. Оп. 1. Д. 243. Л. 74–76].

Активнейшее участие школьников в бурных событиях 1905 г., их радикализм, готовность идти на нарушения закона всерьез обеспокоили как местную, так и центральную власть. Свободы, полученные от властей в результате революции 1905 г., затронули и сферу среднего образования. Одним из важных моментов стало образование родительских комитетов, разрешенных циркуляром от 25 ноября. К этому времени увлеченность гимназистов старших классов политикой уже привела к нарушению учебного процесса, поэтому одной из основных забот только что образованного родительского комитета в Пермской гимназии стало «возобновление дисциплины среди учащихся, расшатанной вообще в период общественного возбуждения после манифеста 17 октября 1905 года» [3, с. 104].

В циркуляре Самарского губернского жандармского управления, полученном в мае 1907 г. начальником Пермского охранного отделения в связи с поступившими агентурными данными о создании всероссийского «Союза учащихся социалистов-революционеров» с центром в Москве, говорилось, что Департамент полиции предлагает не затягивать наблюдения за существующими ученическими организациями средних учебных заведений «ввиду того, что пропаганда в этой среде всегда имеет успех и заражает на долгие годы», а немедленно приступить к их ликвидации [2. Ф.160. Оп.3. Д.103. Л.1-6].

Документы канцелярии губернатора и охраны, хранящиеся в областном архиве, показывают, что некоторые гимназисты не просто увлекались радикальными идеями, но и всерьез принимали участие в деятельности нелегальных обществ. Благо в Перми уже существовала некоторая традиция: еще в 1860-е гг. в духовной семинарии существовал революционный кружок, имевший даже подпольную типографию. В большинстве случаев участие в революционных организациях было характерно для молодых людей уже далеко не детского возраста, и, очевидно, такая деятельность происходила в скрытых формах. Тем не менее имелись случаи, когда гимназисты — члены революционных организаций вели пропаганду в стенах гимназии, организовывали там акции против начальства.

Примером может служить конфликт между учениками 6-х классов Пермской мужской классической гимназии и преподавателем русского языка и словесности А.А. Навашиным в декабре 1908 г. 13 декабря ученик гимназии, сын статского советника Лев Королев передал Навашину письмо, в котором от имени учеников 6-х классов были изложены претензии к нему как педагогу и ему рекомендовалось оставить службу в гимназии. Навашин отказался принять письмо, в результате чего оно оказалось у директора гимназии, поспешившего известить о нем полицию.

В письме говорилось, что за время преподавания Навашина «не только не приобрели новых знаний, но стали забывать пройденное», что он «изводит учеников своей мелочной придирчивостью, не интересуясь их духовным развитием», не может заинтересовать предметом и внушить к себе уважение. Педагогу предлагалось «уступить место другому человеку, который бы действительно мог бы дать знания». Ровно через месяц на уроке Навашина в 6-м классе все ученики молча встали, поклонились и вышли из аудитории.

Организатор акции Лев Королев в период революции 1905 г. успел принять участие в нападении на Азовский банк в Харькове, но по малолетству был освобожден от уголовной ответственности. В Перми Королев, по сведениям жандармского управления, примкнул к анархистам-коммунистам. В гимназии им была организована «Активная группа для борьбы с начальством». Деятельность Льва Королева и его группы «волновала окружающую его молодежь» [2. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–4].

В конце января 1909 г. в коридорах гимназии были разбросаны листки с гектографически размноженным текстом обращения «активной группы» под девизом «Цель оправдывает средства». В обращении говорилось: «Положение, создавшееся благодаря последним циркулярам министерства и приказам нашего ближайшего начальства, заставило нас организовать активную борьбу с ним. Последние события в стенах гимназии доказали необходимость тесного единения. Организация масс как таковых, на основании опыта прошлого 1907/08 учебного года („Союз учащихся“) является невозможной. Приходится обратиться к другим средствам — таковым является „Группа активной борьбы с репрессиями начальств“. Организованная по программе анархических, группа настоящим объявляет начало своей деятельности: непримиримую борьбу с формализмом, ставит девизом своим школу избавление ее от вредных элементов. Террор — за террор; насилие за насилие» [2. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–2].

Многочисленные случаи участия школьников в терактах в период революции 1905 г. говорят о том, что слова листовки не были пустой угрозой. В Пермской губернии по делу Александра Лбова, совершившего вместе со своими боевиками ряд на шумевших экспроприаций, проходили в числе прочих и учащиеся гимназий, обвинявшиеся в оказании помощи знаменитому террористу. Характерный для подросткового возраста бунт против авторитета взрослых в годы револю-

ционного брожения получил прекрасную возможность реализоваться в форме радикальной политической активности.

Дело гимназиста Льва Королева, которым непосредственно занимался губернатор, закончилось тем, что учитель Навашин был заменен другим преподавателем, а на квартире Королева жандармы провели обыск. Несмотря на то что тайники, обнаруженные в его комнате, оказались пустыми, он был арестован и заключен под стражу [2. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 3–4].

Обеспокоенные ситуацией с учащимися города, жандармы в феврале 1909 г. проверили и духовную семинарию, где в 1907 г. были «довольно сильные волнения». Однако, как сообщалось в рапорте начальника охранного отделения ротмистра Сизых, «в настоящее время в Пермской духовной семинарии среди педагогического и административного персонала лиц, которые бы проводили среди семинаристов убеждения, идущие против существующего строя, не имеется... лица, возбуждавшие... волнение уже исключены, и несколько из неблагонадежных преподавателей уволены» [2. Ф. 160. Оп. 1. Д. 385. Л. 12–13].

Последняя группа активных семинаристов во главе с Ламзиным и Марченко, примкнувшая к «Уральскому боевому союзу», по мнению ротмистра Сизых, «почти совсем уничтожена ликвидациями весны и лета 1908 года». Примечательна оговорка, сделанная им сразу после этого заявления: «Сочувствующие задачам группы находятся еще среди учащихся в семинарии, но ничем активным с самого начала года себя не зарекомендовали, вплоть до взрыва петарды около кабинета ректора».

В революционном движении участвовали и девушки-гимназистки. Вот характерная цитата из письма юной революционерки: «Гимназию мне вряд ли придется кончить, почему кассацию подавать нет смысла, приговор войдет в силу еще далеко до конца учебного года... Скорей бы кончился пролог к моей жизни и началась бы сама жизнь. Мать едет с Анютой в ссылку, я в половине мая сажусь в тюрьму, а потом спустя полгода начнется жизнь; скорей бы только матери со мной не было. Она хорошая у меня, но все же меня шибко она связывает. Тяжело видеть ее постоянные тревоги» [2. Ф. 160. Оп. 2. Д. 124. Л. 15–15об.].

Больше всего претензий у пермской охранки и жандармов имелось к частной женской гимназии Барбатенко, ученицы и выпускницы которой проходили почти по всем делам о преступных сообществах, возникших в течение 1907 г. в Перми. Они же в этот период являлись главными руководителями Пермской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии — при ликвидации типографии Пермского комитета РСДРП были задержаны на собрании, руководимом одним из представителей комитета, 11 гимназисток гимназии Барбатенко. В полицейской переписке констатировалась и «крайняя нравственная распущенность» учениц этой гимназии [2. Ф. 160. Оп. 3. Д. 239. Л. 13–13об.].

Можно вполне определенно говорить о разрушении системы традиционных ценностей и норм у значительного количества школьников, несмотря на все старания официальных властей, инспекторов и педагогов. Характерным примером является заметка «Как я сделался атеистом» с подзаголовком «Рассказ семинариста», опубликованная в упоминавшемся рукописном ученическом журнале «Наши думы». Ее автор рассказывает о своей эволюции — от наивного набожного ученика духовного училища до семинариста, прочитавшего брошюры «Христианство и социализм» и «Моисей или Дарвин» и осознавшего, что «современная религия — это шарлатанство, которым пользуется духовенство, мороча темный люд» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 52об.–53об.].

Следует отметить и особую специфику рассматриваемой исторической эпохи — времени коренного перелома во всех сферах жизни российского общества. Период взросления со всеми сопутствующими ему личными кризисами совпал у школьников начала XX в. со временем глобального общественного кризиса, эпохой отторжения традиционных норм и ценностей. Бунт против взрослых (учителей и родителей) органично переходил в бунт против общественных устоев в участие в подпольной революционной деятельности. Сошлемся на мнение исследовательницы революционного террора в России Анны Гейфман: «При изучении причин участия несовершеннолетних в экстремистской деятельности нужно принимать во внимание и естественное для этого возраста стремление определить себя как личность, непохожую на других, со своими собственными ценностями и мировоззрением. Этот процесс обычно включает в себя принятие чужой системы ценностей. В 1905 г. атмосфера хаоса и нестабильности как в политике, так и в других областях человеческой жизни благоприятствовала бунтарству подростков: традиционные ценности подвергались переоценке и их легко можно было заменить радикальными идеями, распространенными среди взрослых. Стремление подростков найти себе место в быстро меняющемся мире путем участия в революции усиливалось путем прославления в левой прессе наиболее крайних форм борьбы, таких как террор и экспроприации. Романтизированный образ героического борца за свободу, представляемый в этих газетах, особенно нравился молодежи» [1, с. 243].

Можно только добавить, что атмосфера нестабильности была характерна для России не только в 1905 г., но и в течение последующих лет: шел процесс разложения традиционного общества со всеми его институтами — патриархальной семьей, сословиями, церковью и др. Старые нормы и ценности еще формально существовали, но уже воспринимались как анахронизм, новые были расплывчаты и не закреплены, а зачастую и просто отторгались.

Заметную роль в становлении личности большинства пермских гимназистов и учащихся других средних учебных заведений играла и окружавшая их достаточно брутальная среда, где пьяная драка, ругань и поножовщина были заурядными явлениями. Повседневная жизнь провинциального города, ценности и

нормы поведения, принятые окружающими — родителями, родственниками, соседями — все это зачастую формировало личности гимназистов далеко не такими возвышенными и высококультурными представителями интеллектуальной элиты, как это часто принято судить о воспитанниках царских гимназий.

В заключение отметим, что система образования как социальный институт, являющийся составной частью большой общественной системы, не могла не отразить в себе переживаемый этой системой кризис. В начале XX в. царские гимназии формально продолжают выполнять свои функции. Однако при более близком знакомстве с повседневностью провинциальных школьников этого времени становится очевидным несоблюдение предписанных соответствий между структурными элементами и выполнением функций. Транслирующая официально одобренные (но явно устаревшие) ценности односторонняя иерархическая коммуникация не достигает цели, ее место занимают внутренние формально горизонтальные коммуникации. Часть гимназистов, усвоившая от своих более продвинутых одноклассников и старших товарищей интеллигентские ценности и стереотипы поведения, оказывается вовлеченной в революционное движение, другая часть попадает под влияние улицы, воспроизводя стили поведения, характерные для мещанско-обывательской среды провинциального города.

Библиографический список

1. *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М.: Крон-пресс, 1998.
2. Государственный архив Пермской области (ГАПО).
3. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение г. Перми. Пермь: Электротипограф. В.А. Чердынцева, 1908.
4. *Змеев М.В.* Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. Пермь: Перм. гос. тех. ун-т, 2006.
5. *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринт. изд. 1909 г. М.: Новости (АПН), 1990.
6. *Лейбович О.А., Шушкова Н.В.* На семи ветрах: институт высшего образования в постсоветскую эпоху. Новые явления в российском высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1.
7. *Осоргин М.А.* Мемуарная проза. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1992.
8. Хроника событий и общественной жизни Перми и Пермской губ. за 1905 г. // Адрес-Календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. Пермь: Типо-Литография Губернского правления, 1907.